

● Разговор о премьерe

● Как готовится программа

НОВАЯ РОЛЬ БОРИСА БАБОЧКИНА

О телевизионном спектакле
«Плотницкие рассказы»

Б. БЯЛИК,

доктор филологических наук, профессор

Телеспектакль «Плотницкие рассказы», поставленный режиссером П. Резниковым по одноименной повести Василия Белова (сценарий Б. Ткаченко и П. Резникова), — событие в нашем искусстве. Событие выдающееся, хотя и не неожиданное.

И имя постановщика, и имя исполнителя главной роли в «Плотницких рассказах» — народного артиста СССР Б. Бабочкина — заставляют вспомнить о другом телеспектакле, сравнительно недавнем, но успешно завоевавшем прочный успех у телезрителей, — о «Скучной истории». Оценивая тот спектакль, я писал о Б. Бабочкине, замечательно сыгравшем роль профессора Николая Степановича, что теперь уже трудно будет, перечитывая чеховскую повесть, не видеть его лица и не слышать его голоса. То же самое можно сказать сегодня о «Плотницких рассказах», об их герое Олеше Смолине. Исполнение одним артистом таких несхожих ролей, его полное слияние с такими различными образами — различными по судьбам, характерам, языку, внешнему облику (не говоря о различии эпох) — уже само по себе явление примечательное.

Галерея характеров, изображенных Б. Бабочкиным в театре и кино, вообще необычайно многообразна. Кто мог подумать, что актер, создавший незабываемый образ народного героя Чапаева, сыграет позднее с не меньшей силой роль безличного, ничтожного и страшного в своем ничтожестве героя щедринских «Теней» Клаверова? Столь же поразительно воплощение Б. Бабочкиным в разные годы двух противоположных социальных характеров в горьковских «Дачниках», яростно сталкивающихся на сцене, — Власа и Сулова...

Знаменитый ученый Николай Степанович с его тончайшей интеллигентностью, со склонностью к рефлексии и к мучительному самоанализу, и старый плотник Олеша Смолин, натура цельная и непосредственная, целиком погруженная в повседневные труды и заботы, — имеют ли они хоть что-нибудь общее?

А между тем трудно сказать, какая из этих ролей оказалась артисту ближе, роднее и в какой из них более полно проявилось его дарование. В одном случае его привлекла к себе и взволновала тоска тончайшего интеллекта по живой жизни, по реальному участию в ней. В другом — стремление человека из народа постичь смысл жизни и овладеть ее духовными ценностями. Для Б. Бабочкина подлинно народный характер — всегда характер богатый и сложный, это лишнее раз демонстрирует его плотник Смолин. В. Белов нарисовал фигуру Олеши ярко, талантливо и с прекрасным знанием жизни, но он, если так можно выразиться, исполнил его мелодию на одном инструменте. В игре же Б. Бабочкина слышится целый оркестр.

Телеспектакль начинается с воспоминаний Олеши о своем тяжелом детстве. Мер-

но звучит скучноватый стариковский говорок, и начинаешь думать, что в такой тональности все и будет выдержано. Но вот появляется антагонист Смолина — Козонков, и в Олеше пробуждаются его лукавство, язвительность и злость, предвещающая будущую нешуточную схватку. Воспоминания о юношеской любви преобразуют Олешу: старик рассказывает про эту далекую, неудавшуюся, несостоявшуюся любовь с такой свежестью чувства и с такой поэтичностью, что это не просто трогает, а потрясает. И совсем иной он, когда начинает рассуждать о смысле человеческого существования и о том, что такое душа, и когда ему, не заметившему включенного транзистора, кажется, что музыка рождается в нем самом, «из нутра»...

В телеспектакле почти нет внешних признаков современной деревни (их здесь еще меньше, чем в повести). Но современное звучание и достоинство повести в другом, и это подчеркнуто в телевизионной постановке: Олеша, с его многогранной душой, с его особым взглядом на жизнь и людей, — весь он такой, каким может быть лишь сегодня, лишь в сегодняшней деревне. Особенно важны в этом плане его отношения с Козонковым, роль которого превосходно исполняет народный артист СССР П. Константинов.

Я бы сказал, что П. Константинов смотрит на своего «героя» глазами Олеши Смолина. Он не прощает этому загибщику тех бед, которые тот принес людям в прошлом, и тех неприятных минут, которые тот доставляет своими «депешами»-кляузами теперь. Но почва из-под ног таких людей давно ушла (с каким едким юмором передает артист жалобы Козонкова на народ, становящийся для него все менее «удобным»!).

Телевидение постепенно выясняет для себя и для своей широчайшей аудитории, какие в нем таятся новые возможности искусства. Никого и ничего не заменяя, телевизионный театр становится незаменимым сам. Он оставляет вас наедине с исполнителем и позволяет заглянуть особенно глубоко в его душу и в душу его героя, разрешает подстеречь самые сокровенные оттенки мыслей и чувств.

Ни в каком другом театре исполнитель не может рассчитывать на такое сосредоточенное внимание зрителей к исповеди его героя, к его рассказам, к его философским и лирическим отступлениям. Телевизионный театр способен быть замечательным рассказчиком и повествователем.

Мне кажется, что телеспектакль «Плотницкие рассказы» (как и «Скучная история») — большой успех не только создавшего его коллектива, но и всего нашего телеискусства, значительная веха на пути его творческих исканий. Это молодое, еще очень молодое искусство обретает на наших глазах свои особые формы выразительности и (я говорю об этом с полной уверенностью, не боясь впасть в преувеличение) свою классику.